

УДК 353(470)(091)

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.32.21>

Управление административными процессами в пореформенной Сибири: сибирские инородцы, концепты и люди

Л. М. Дамешек

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Рассматриваются предложения по унификации управления русским крестьянским и инородческим населением Сибири в пореформенный период. Подчеркивается связь этих предложений со стремлением правительства распространить на Сибирь положения крестьянской реформы 1861 г. На основе делопроизводственных материалов анализируется позиция губернских правлений всех административных образований региона, показан процесс создания «образцовых волостей» в Западной Сибири, отмечается финансовая подоплека этих предложений, связь планируемых преобразований с законом о земских начальниках 1889 г. в Европейской России. Исследование показало, что в правительственных кругах все отчетливее наблюдается тенденция к подчинению аборигенов русскому законодательству, однако конкретных реализованных предложений было в принципе немного. Самодержавие считало, что аграрная реформа должна предшествовать административным преобразованиям.

Ключевые слова: пореформенная Россия, управление крестьянским и инородческим населением Сибири, причины и попытки унификации, проекты и предложения, итоги.

Для цитирования: Дамешек Л. М. Управление административными процессами в пореформенной Сибири: сибирские инородцы, концепты и люди // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2020. Т. 32. С. 21–31. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.32.21>

Одной из важных геополитических особенностей России во всех периодах ее истории был фактор огромности. Общая площадь империи, составляющая к началу XX в. около 22 млн квадратных километров, Уральскими горами незримо делилась на две части – Европейскую и Азиатскую Россию, существенно отличавшиеся друг от друга географическими и природно-климатическими условиями, этническим составом и конфессиональной принадлежностью населения, инфраструктурой, удаленностью от границ и центра страны и т. д. Процесс вхождения Сибири в состав России, начавшийся в конце XVI в., носил весьма противоречивый характер и имел длительную историческую перспективу. Это было не только военное, но и административное, и экономические закрепление за Российской империей новых территорий и народов огромного Зауральского края. Особенностью государственного строительства России являлось постоянное преобладание административно-политических целей над экономическими. За решением первоначальных военно-политических задач имперской политики неизбежно следовали задачи административного обустройства и последующей интеграции регио-

на в имперское пространство. Это было одним из проявлений взаимосвязи между внутренней и внешней политикой, присущих каждой стране на любом этапе ее развития. Но если для московских, а затем и петербургских Романовых европейская часть – а это всего лишь 20 % территории страны – была как бы прародиной, «отчиной», то Сибирь и в начале XIX в. осталась малоизвестной окраиной, которую еще только предстояло инкорпорировать в экономическое, административное и социокультурное пространство империи. Признание неоднородности империи явственно выдвигает перед историописателями требование дифференцированного подхода к изучению и оценке окраинной политики государства, ее многофакторности и многоплановости, которая в последнее время все чаще характеризуется исследователями как политика «имперского регионализма» [4; 5]. Особенно это было актуально в Сибири и на Дальнем Востоке, где господствовала система государственной земельной собственности. Включая в свой состав новые территории на востоке, власть начинала их интеграцию именно посредством военно-административных и фискальных методов.

Еще одной важной исторической особенностью России стал фактор ее многонациональности. Территориальная экспансия России на протяжении XVI–XIX вв., включение в ее состав народов Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, Польши, Финляндии, Кавказа, Средней Азии превратили ее в многонациональную империю. В начале XX в. на территории России проживало около 200 больших и малых народов, отличных по языку, культуре, религии, менталитету и т. д. Данное обстоятельство накладывало существенный отпечаток на этническую структуру государства. Если в середине XVII в. на долю русского населения приходилось 95 % населения России, то в начале XX в. только 44,6 %. Развитие отношений центра с национальными окраинами неотделимо от процесса формирования политико-административной системы империи. Именно в рамках этой системы определялись конкретные модели взаимоотношения с этносами. Однако стратегической линией правительственной политики оставался курс на интеграцию этих территорий в экономическое, административное и социокультурное пространство империи, что особенно откровенно стало проявляться с середины 50-х гг. XIX в.

Вопрос о реформе управления сибирскими аборигенами в первые пореформенные десятилетия неоднократно обсуждался в различных правительственных инстанциях и среди местного чиновничества. Это было связано с предпринимаемыми самодержавием попытками распространить на Сибирь положения крестьянской реформы 1861 г. и полностью подчинить народы Сибири действию законодательства о крестьянах. Однако отсутствие у правительства четкой программы реализации намеченных целей порождало противоречивость поступавших предложений. Это обстоятельство своим результатом имело непоследовательность политики в отношении сибирских аборигенов, что было прямым порождением общего внутривластного курса этого периода, который министр внутренних дел П. А. Валуев в своих дневниковых записях охарактеризовал как систему нерешительности и противоречий [14].

В первой половине XIX в. управление народами Сибири основывалось на принципах Устава об управлении инородцев 1822 г. [6]. В общих чертах основные положения Устава были подтверждены Вторым Сибирским комитетом в 1852 г. Национальная программа самодержавия предусматривала подчинение оседлых аборигенов общим крестьянским учреждениям и установлениям. В отношении кочевых и бродячих коренных жителей предлагалось изыскать средства для привлечения их к оседлости и «ограждению от разных притеснений». Определение конкретных мер в этом направлении следовало предоставить местной администрации, которая в основу своих действий обязывалась положить принцип незыблемости «главных оснований “Сибирского учреждения” 1822 г.». Выражая пожелания мелочных улучшений быта аборигенов, правительство вместе с тем подчеркивало права Кабинета на ясачную ренту с народов Сибири. Составители программы признавали, что «ясачный сбор по многим его неудобствам требует особого соображения, но все предложения, какие имеются в виду по сему предмету, не согласны в главных между собой основаниях». Свою задачу члены вновь созданного Сибирского комитета видели в том, чтобы «сообразить в подробности: какими именно средствами можно было устроить ясачный сбор с сибирских инородцев... чтобы этот сбор, не стесняя инородцев, не препятствовал обращению их к оседлости и не уменьшал доходов Кабинета»¹. Национальная программа Второго Сибирского комитета вопрос о судьбах народов Сибири решала с консервативно-охранительных позиций. Выражая традиционные пожелания улучшения быта аборигенов и привлечения их к оседлости, члены комитета не предполагали возможности серьезных реформ в скором будущем [7].

Позиции сибирского чиновничества принципиально не отличались от вышеизложенной программы. Тобольский губернатор В. А. Арцимович признавал необходимость лучшего «образования... управления» аборигенами, но не предлагал ничего конкретного². Вывод о принципиальном единстве подходов центральной и местной администрации к решению «инородческого вопроса» подтверждается и при знакомстве с предложениями, исходящими от других представителей сибирской губернской администрации³.

Дальнейшее развитие программы правительства в отношении коренного населения Сибири находилось в неразрывной связи с разработкой крестьянской реформы для Сибири в целом и стремлением к пересмотру основных положений Устава об управлении инородцев 1822 г. Предполагалось, что ревизия «инородческого» устава должна преследовать русификаторские цели. Начиная с 40-х и особенно в 50-х гг. XIX столетия, в высших правительственных сферах все чаще стали раздаваться голоса о необходимости полного подчинения сибирских аборигенов русскому законодательству. Еще в 1847 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109 (I эксп.). Д. 135 (1852 г.). Л. 84, 85, 51.

² ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 34. Л. 1 об.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1265. Оп. 1. Д. 141. Л. 1–14.

высказался о необходимости распространения «действия законов общих» на коренных жителей⁴. Наиболее подробно этот вопрос изложил тобольский губернатор В. А. Арцимович в ставшем широко известным впоследствии «Описании сибирского края» в 1857 г. Рассматривая Сибирь не только как место ссылки и наказания преступников, но прежде всего как неотъемлемую и одну из важнейших частей России, он предлагал провести ряд мероприятий «не только в видах устройства края... но и в видах извлечения из Сибири возможной для государства пользы и усиления политического значения русского населения в крае»⁵. Не случайно Арцимович ратовал за «коренную» реформу управления аборигенами на русификаторских началах⁶.

С проблемой унификации управления русским крестьянством и коренным населением губернская администрация Западной Сибири вплотную столкнулась в середине 50-х гг. в связи с организацией так называемых образцовых волостей. К образцовым относились волости, в которых после окончания реформы проводилось межевание земель [14, с. 132]. В октябре 1853 г. Совет Главного управления Западной Сибири признал необходимым ввести образцовое управление «для опыта в нескольких волостях оседлых инородцев». На эти волости следовало распространить «весь порядок волостного и сельского управления». Служебные обязанности должностных лиц в инородческих образцовых волостях практически не отличались от функций лиц крестьянского самоуправления. Это означало, что с введением нового порядка управления у оседлых аборигенов должно было произойти значительное сближение форм крестьянского и инородческого самоуправления. В Западной Сибири эта форма организации управления оседлыми аборигенами довольно скоро получила распространение. К концу 1850-х гг. в Тобольской губернии было образовано 23 образцовые волости, в Томской губернии – 15⁷.

После поражения царизма в Крымской войне в условиях неудовлетворительного состояния сельского хозяйства, массового разорения крестьян, когда бюджетный дефицит стал хроническим недугом, правительство было вынуждено выискивать дополнительные источники пополнения государственной казны. В этой ситуации самодержавие вновь обратилось к Сибири, к ее коренным народам как потенциальным поставщикам ценного «мягкого золота». В правительственных кругах возник проект о причислении кочевых аборигенов к разряду оседлых и сравнении их по платежу податей с государственными крестьянами. Его автором был управляющий сбором ясака в Восточной Сибири Полонский [3].

Подобная картина наблюдается и в Западной Сибири. Весной 1864 г. по предложению генерал-губернатора А. О. Дюгамеля Комитет министров причислил несколько волостей оседлых инородцев Тобольской губернии к русским волостям Тобольского и Тюменского округов. Ходатайство о раз-

---

⁴ РГИА. Оп. 2. Д. 63. Л. 39 об.

⁵ ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 50. Л. 2–3.

⁶ Там же. Д. 34. Л. 1 об.

⁷ Там же. Ф. 815. Оп. 1. Д. 34. Л. 1 об.

решении приписки аборигенов к русским волостям местная администрация пыталась подкрепить ссылками на необходимость «упорядочивания сбора подлежащих с них податей...». Однако первоначальный опыт такого рода действий оказался весьма неудачным. По признанию тобольского гражданского губернатора А. С. Сологубова, податные сборы с аборигенов отнюдь не увеличились, а у «искусственно» соединенных в одни волостные управления крестьян и аборигенов происходили различные споры, нередко выливающиеся во «взаимный антагонизм». В конечном итоге волостные сходы стали просить об отчислении от них аборигенов, а последние, в свою очередь, отказывались от причисления к русским волостям⁸. В условиях внутренней политики самодержавия механическое объединение аборигенов и русских в рамках административных единиц не могло пойти на пользу как русскому, так и коренному населению. Формы и методы этого процесса не соответствовали его объективному прогрессивному содержанию. Тем не менее в 1871 г. тобольский губернатор А. С. Сологубов вновь поднял вопрос о причислении оседлых инородцев губернии к русским волостям. На этот раз речь шла обо всех оседлых аборигенах без исключения.

Помимо финансовых выгод, предполагаемые мероприятия должны были, по замыслу чиновничества, способствовать «успешному административному надзору, объявлению правительственных распоряжений, судебных приговоров» и т. д.⁹ Как видим, в обоснование будущих преобразований в качестве основных выдвигались фискальные и административные мотивы. Вопрос о соответствии уровня податного обложения действительной платежеспособности аборигенов даже не ставился, сами преобразования прогнозировались безо всякого участия аборигенов.

Спустя два года аналогичный вопрос был поднят администрацией соседней Томской губернии. Однако причины, породившие его, были иными. Губернатор А. П. Супруненко отмечал, что проживающее оседло коренное население в настоящее время совершенно обрусело, аборигены пользуются землей наравне с крестьянами, но размеры их податных платежей значительно ниже крестьянских. Кроме того, коренные жители были «совершенно избавлены от рекрутства». Такое привилегированное положение оседлых аборигенов по сравнению с русскими крестьянами представляло, по глубокому убеждению губернатора, «полную несправедливость». В силу указанных причин необходимость причисления оседлых аборигенов к русским волостям еще более усиливалась¹⁰. В сущности позиции тобольского и томского губернаторов совпадали. Они признавали за благо причислить оседло проживающих аборигенов к русским волостям, а расходились лишь в обоснованиях этих предложений. Новые проекты сибирской администрации вливались в общий тон правительственной политики и являлись прелюдией того внутриполитического курса, который устанавливается в 80-х гг. XIX столетия и связывается с именами К. П. Победоносцева, Д. А. Толстого и др. [8; 12].

⁸ ГАРФ. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 14. Ч. 2 (1896 г.). Л. 2. 16 об.

⁹ Там же. Ф. 365. Оп. 11. Д. 6776. Л. 4-4 об.

¹⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15. Ч. 2. 1896 г. Л. 221.

В 1876 г. генерал-губернатор Западной Сибири Н. Г. Казнаков обратился в министерства внутренних дел и государственных имуществ с предложением, не дожидаясь итогов рассмотрения вопроса о поземельном устройстве сельского населения Сибири, незамедлительно причислить к русским волостям оседлых аборигенов Тобольской и Томской губерний. В отношении землепользования предлагалось оставить коренных жителей в прежних «границах и правах»¹¹. В ноябре 1877 г. П. А. Валуев внес на рассмотрение в Комитет министров предложение Казнакова¹². Обсуждая его, члены Комитета министров отметили, что предлагаемые меры должны коснуться существенных сторон быта аборигенов. Особую настороженность участников обсуждения вызвало то обстоятельство, что проектируемые меры носили временный характер, в то время как, по их убеждению, всякое в этом смысле мероприятие должно было иметь «значение определенное». Рассматриваемый вопрос ввиду его важности требовал «особой осторожности», а в предложении Казнакова члены Комитета министров увидели элемент неуверенности. Этого было достаточно, чтобы вынести решение о необходимости дополнить представление генерал-губернатора новыми статистическими данными¹³. Осуществление этого решения, связанное со значительными трудностями, должно было охладить реформаторский пыл генерал-губернатора. Однако в следующем, в 1878 г. он приказал собрать все необходимые сведения. Распоряжение было исполнено, но к рассмотрению собранных материалов местная администрация приступила лишь через 10 лет.

Весной 1889 г. в Тобольской губернии были образованы специальные окружные комиссии, которым поручалось всесторонне изучить вопрос о возможности, полезности и необходимости присоединения инородческих обществ к русским волостям с подчинением их местным по крестьянским делам учреждениям. Итогом работы явилась специальная записка, содержащая мнения пяти окружных комиссий и заключение губернского совета. Лишь одна комиссия – Туринская – признала причисление аборигенов к русским волостям возможным и желательным. Остальные высказались более сдержанно.

Тюменская окружная комиссия ввиду разности вероисповедания, языка, обычаев, обоюдного нерасположения друг к другу русских и инородцев причисление аборигенов к русским волостям признала «положительно невозможным».

Против проектируемых нововведений выступала и Тобольская комиссия, члены которой ссылались, с одной стороны, на нежелательность такого причисления, высказанное на инородческих сходках, и на различия в традициях общественной жизни русских крестьян и коренных жителей – с другой. Комиссия не считала возможным присоединение коренных жителей к русским волостям еще и потому, что нравы и обычаи инородцев были отличны от нравов и

---

¹¹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3925 (1877 г.). Л. 222 об. – 223.

¹² Там же. Ф. 391. Оп. 1. Д. 79. Л. 14.

¹³ Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4044 (1879 г.). Ж. ст., с. 473.

обычаев русских, которые подчас пренебрежительно относились к коренным жителям, считая их по религии «недостойными соприкосновения».

Члены комиссии Ялуторовского округа полагали, что присоединение аборигенов к русским волостям повлечет много злоупотреблений и неудобств по части землепользования. Неизбежность последних они видели в том, что населенные аборигенами земли должны были остаться в их пользовании и после присоединения к русским волостям. Комиссия в то же время высказалась в пользу организации самоуправления народов Сибири на основаниях общего положения о крестьянах 19 февраля 1861 г. Распространение этих узаконений на коренных жителей должно было способствовать более обоснованной раскладке внутренних денежных сборов и развитию «поземельного дела» в хозяйстве аборигенов. Только в этом случае, отмечается в решении комиссии, «устранится возможность того, что один пользуется многим, а другой малым, в то время как тот и другой несут повинности одинаково». В журнале заседания комиссии Тарского округа отмечалось, что присоединение аборигенов к русским волостям могло только затруднить деятельность волостных старшин по исполнению своих обязанностей и «вероятный выигрыш по успешному взысканию с инородцев податей был бы проигрышем во взыскании податей с русского населения». Члены комиссии доказывали, что предлагаемые мероприятия неизбежно носили бы искусственный характер. Все это заставило комиссию высказаться «безусловно» против присоединения аборигенов к русским волостям и против распространения на коренных жителей положения от 19 февраля 1861 г. «вследствие неразвитости инородцев в гражданском отношении... и низшей их культуры». Приведенные материалы, отмечала комиссия, являются основанием не для причисления аборигенов к русским волостям, а для пересмотра действующих о них законов¹⁴. Однако заключения комиссий не были приняты во внимание членами губернского совета, который постановил ходатайствовать перед министром внутренних дел о разрешении причисления оседло проживающих аборигенов к русским волостям и о распространении на них действия закона от 1 марта 1883 г., вводившего в Тобольской и Томской губерниях институт чиновников по крестьянским делам.

Подобные же представления поступали и от чиновников Восточной Сибири. Иркутский губернатор К. Н. Шалашников в 1873 г. обращал внимание правительства на необходимость подчинения аборигенов действию общих законов. По его мнению, сохранение особых положений для управления аборигенами стало уже «не только бесполезным, но даже вредным»¹⁵. В 1876 г. генерал-губернатор Восточной Сибири П. А. Фредерикс предложил подчинить аборигенов «общим действующим в России законам, сравняв права и обязанности их с крестьянами»¹⁶. Преемник Фредерикса – А. Л. Анучин в отчете по управлению краем за 1880–1881 гг. резко выступил против сохранения «Сибирского учреждения» 1822 г., назвав его «ана-

¹⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Л. 15; Ч. 2 (1896 г.). Л. 5–8 об.

¹⁵ Там же. Ф. 1264. Оп. 65. Д. 236. Л. 11 об. – 12.

¹⁶ Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4044 (1879 г.). Ж. ст., с. 473.

хронизмом, требующим окончательной отмены»¹⁷. На необходимость изменения управления коренным населением региона указывал приамурский генерал-губернатор А. Н. Корф¹⁸.

Эти проекты и предложения готовили почву для будущих преобразований. Однако к числу реализованных программ этого времени относится лишь реформа местного управления аборигенами в Иркутской губернии, осуществленная в 80-х гг. XIX в. Согласно реформе степные думы у бурят были упразднены, вместо них учреждались более мелкие, но зато, по признанию царских чиновников, более гибкие административные единицы – инородные управы [6; 10], бывшие по Уставу 1822 г. промежуточным звеном между степными думами и родовыми управлениями. Вместе с ликвидацией степных дум были упразднены и должности тайшей – главных родоначальников, замещаемые преимущественно по наследству. Эта реформа была вызвана развитием капиталистических отношений в улусах, выдвиганием на первый план нарождающегося кулачества. Анализ сведений о должностных лицах инородческого самоуправления позволяет заключить, что к этому времени выборы на должность новых людей постепенно вытесняют наследственное начало. Так, у хакасов Енисейской губернии ведомства Кизильской степной думы все 45 должностей родового управления занимали выборные лица православного исповедания. Аналогичная картина наблюдалась в Иркутской губернии. Однако, несмотря на старания местной администрации обеспечить приоритет выборных должностных лиц из христиан, этого не удалось добиться. В Верхоленском округе, например, 58,7 % должностных лиц исповедовало шаманизм, 8,4 % – ламаизм. Иная картина наблюдается в густонаселенном русскими крестьянами Балаганском округе. Здесь из 218 должностных лиц лишь 13 человек, т. е. 6 %, принадлежали к язычникам. В Нижнеудинском округе все 16 должностных лиц бурят и тофаларов занимали должности по выборам и исповедовали православие¹⁹. В Якутской области во главе родов, наслегов и улусов стояли выборные лица²⁰. Такая же ситуация наблюдается в Западной Сибири²¹.

Имущественное положение выборных должностных лиц не может быть проиллюстрировано ввиду отсутствия точных массовых данных. Однако бесспорно, что многие из них были людьми состоятельными, о чем свидетельствуют неутихавшая борьба между бедняцким и зажиточными полюсами улусов, «рекомендации» царских законов отдавать предпочтение при выборах людям «крепкого достатка»²². Однако наряду с этим родоначальниками подчас являлись лица и среднеимущие, размеры хозяйства которых не отличались от размеров хозяйств рядовых улусников [9]. Следует отметить, что в некоторых исследованиях высказывается мысль о складывании в

¹⁷ Сборник главнейших официальных документов... Вып. 1. Т. 1. С. 122.

¹⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 53. Д. 14, 1886 г. Л. 1–3.

¹⁹ Подсчитано по данным: ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 2690. Д. 176. Л. 5–44.

²⁰ Памятная книжка Якутской области на 1896 г. Якутск, 1895. Вып. 1. Ст. Якутский род до и после прихода русских. С. 48.

²¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 1257.

²² ГАИО. Ф. 24. Оп. 9, к. 2031. Д. 42. Л. 3–42 и др.

XVIII – первой половине XIX в. процесса становления частной собственности родоначальников на землю, например, у алтайцев и якутов [1, с. 292–294; 2, с. 84, 110; 11, с. 263–270]. Г. П. Башарин распространяет этот тезис и на начало XX в. Однако никто из исследователей, разделяющих эту точку зрения, не смог привести документальных материалов о существовании земельной ренты рядовых улусников в пользу родоначальников. Имеющиеся в литературе примеры «темных поборов» и т. д. следует рассматривать лишь как факты злоупотребления родоначальниками служебным положением, но отнюдь не как плату рядовых улусников за пользование землей, якобы принадлежащей родоначальникам. Имеющиеся в распоряжении автора архивные материалы о развитии имперского законодательства по аграрному вопросу и землеустройству аборигенов убедительно свидетельствуют о том, что самодержавие никогда не допускало мысли о принадлежности сибирских земель местным народам. Монопольное право владения и распоряжения этими землями всегда оставалось за государством. Не случайно закон от 8 июля 1901 г. «Об отводе частным лицам казенных земель в Сибири» навсегда запрещал иностранцам приобретение земель в собственность²³. Экономическим и юридическим собственником земли являлось государство, а народы Сибири, в том числе родоначальники, тойоны и т. д., были лишь пользователями.

Таким образом, в 1870–1880 гг. правительство и местная администрация признали необходимым изменить организацию управления народами региона. В правительственных кругах все отчетливее наблюдается тенденция к подчинению аборигенов русскому законодательству. Однако конкретных реализованных предложений было в принципе немного. Самодержавие считало, что аграрная реформа должна предшествовать административным преобразованиям.

Тенденция к унификации системы управления русским крестьянским и коренным населением объективно отражала процесс усиления взаимного влияния русского и коренных народов Сибири, наметившийся в ходе дальнейшей колонизации края и развития капитализма вширь. Ее реализация могла привести к отмене системы управления аборигенами, основанной на родовых началах Устава 1822 г. Изучение причин, факторов и последствий этого процесса неминуемо должно стать полем для исследования представителями разных гуманитарных направлений науки. Это обеспечит преодоление междисциплинарных барьеров, а в конечном итоге поможет глубже понять последствия и возможные риски наметившихся процессов.

Список литературы

1. Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии. (60-е годы XVIII – середина XIX в.). М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. 428 с.
2. Башарин Г. П. Социально-экономические отношения в Якутии второй половины XIX – начала XX века. Якутск : Кн. изд-во, 1974. 216 с.
3. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX века. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. 303 с.

---

²³ ПСЗ-3. Т. 21. Отд. I. № 20338.

4. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Перцева Т. А. Сибирские реформы М. М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. 341 с.

5. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирская реформа М. М. Сперанского 1822 г. как проявление принципов имперского регионализма. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 88–95.

6. Дамешек Л. М. Избранное. В 3 т. Т. 1. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). Иркутск : Отгиск, 2018. 456 с.

7. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Избранное. В 3 т. Т. 2: Сибирь в системе имперского регионализма (1822-1917 гг.). Иркутск : Отгиск, 2018. 416 с.

8. Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. (Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов) М. : Мысль, 1970. 442 с.

9. Залкинд Е. М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. М. : Наука, 1970. 400 с.

10. История Бурятии. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. Т. 2. 621 с.

11. Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев / Акад. наук СССР. Ин-т этнографии им. Миклухо-Маклая. 2-е изд., доп. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 444 с.

12. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. М. : РОССПЭН, 2016. Т. 3. 765 с.

13. Тончий А. Т. Крестьянские реформы в Сибири (1861-1899 гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1979. 277 с.

14. Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. 248 с.

The Management of Administrative Processes in the Post-reform Siberia: Siberian non-Russian Minority Members, Concepts and People

L. M. Dameshek

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article discusses proposals for the unification of the management of the Russian peasant and non-Russian (titular) population of Siberia in the post-reform period. The connection between these proposals and the government's intention to extend the 1861 peasant reform provisions to Siberia is emphasized. Based on clerical materials, the position of the provincial boards of all administrative regional entities is analyzed, the process of creating "model volosts (counties)" in Western Siberia is shown, the financial background of these proposals and the connection of the planned transformation with the 1889 law of the Zemsky heads in European Russia are emphasized. In government circles, there is an ever-increasing tendency for Aboriginal (titular) people to submit to the Russian law. However, there were few concrete proposals implemented. The autocracy believed that agrarian reform would precede administrative reforms.

Keywords: Post-1861 reform Russia, management of the peasant and titular populations of Siberia, causes and attempts to unify, projects and proposals, results.

For citation: Dameshek L.M. The Management of Administrative Processes in the Post-reform Siberia: Siberian non-Russian Minority Members, Concepts and People. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2020, vol. 32, pp. 21-31. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.32.21> (in Russian)

References

1. Basharin G.P. *Istorija agrarnyh otnoshenij v Jakutii. (60-e gody XVIII – seredina XIX v.)*. [History of Agrarian Relations in Yakutia (the 1760s – the mid XIX century.)]. Moscow, Publishing house of Acad. Sciences of the USSR, 1956, 428 p. (in Russian)
2. Basharin G.P. *Social'no-jekonomicheskie otnoshenija v Jakutii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka* [Socio-Economic Relations in Yakutia in the Second Half of the XIX – early XX Centuries]. Yakutsk, Prince Publishing House, 1974, 216 p. (in Russian)
3. Dameshek L.M., Dameshek I.L. *Jasak v Sibiri v XVIII – nachale XX veka* [Yasak in Siberia in the 18th – early 20th centuries]. Irkutsk, Publishing house of ISU, 2014, 330 p. (in Russian)
4. Dameshek L.M., Dameshek I.L., Pertseva T.A. *Sibirskie reformy M. M. Speranskogo 1822 g.: opyt administrativnogo regulirovanija interesov centra i regiona* [Siberian Reforms of M. M. Speransky 1822: the Experience of Administrative Regulation of the Interests of the Center and the Region]. Irkutsk, Publishing House of ISU, 2017, 341 p. (in Russian)
5. Dameshek L.M., Dameshek I.L. *Sibirskaja reforma M. M. Speranskogo 1822 g. kak projavlenie principov imperskogo regionalizma* [Siberian Reform of M. M. Speransky in 1822 as a Manifestation of the Principles of Imperial Regionalism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2018, no. 426, pp. 88-95. (in Russian)
6. Dameshchek L. M. *Izbrannoe. In 3 vols. Vol. 1. Sibirskie inorodcy v imperskoj strategii vlasti (XVIII – nachalo XX v.)* [The Selected Works. In 3 vols. Vol. 1. Siberian non-Russian (Titular) Minorities in the Imperial Strategy of Power (XVIII – early XX century)]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2018. (in Russian)
7. Dameshek L.M., Dameshek I.L. *Izbrannoe: In 3 vols. Vol. 2. Sibir v sisteme imperskogo regionalizma (1822–1917 gg.)*. [The Selected Works. In 3 vols. Vol. 2. Siberia in the System of Imperial Regionalism (1822-1917)]. Irkutsk, Impression Publ., 2018, 416 p. (in Russian)
8. Zayonchkovsky P.A. *Rossijskoe samoderzhavie v konce XIX stoletija. (Politicheskaja reakcija 80-h – nachala 90-h godov)* [Russian Autocracy in the late XIX century. (Political reaction of the 80s – early the 90s)] Moscow, Mysl Publ., 1970, 442 p. (in Russian)
9. Zalkind E.M. *Obshhestvennyj stroj burjat v XVIII – pervoj polovine XIX v.* [The Social System of the Buryat in the XVIII – the First Half of the XIX Century]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 400 p. (in Russian)
10. *Istorija Burjatii* [History of Buryatia]. Ulan-Ude, Publishing House of the BSC SB RAS, 2011, vol. 2, 621 p. (in Russian)
11. Potapov L.P. *Oчерки по истории altajcev* [Essays on the History of the Altai People]. 2nd ed. Moscow, Leningrad, Acad. Science of USSR, Institute of Ethnography Miklouho-Maclay, 1953, 444 p. (in Russian)
12. *Reformy v Rossii s drevnejshih vremen do konca XX v* [Reforms in Russia from Ancient Times to the End of the XX century.]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2016, vol. 3, 765 p. (in Russian)
13. Topchy A. T. *Krestjanskije reformy v Sibiri (1861-1899 gg.)* [Peasant Reforms in Siberia (1861-1899)]. Tomsk, Publishing House Tomsk University, 1979, 277 p. (in Russian)
14. Chernukha V. G. *Vnutrennjaja politika carizma s serediny 50-h do nachala 80-h gg. XIX v.* [Domestic Politics of Tsarism from the mid-1850s to the early 1880s]. Leningrad, Science Leningrad Department Publ., 1978, 248 p. (in Russian)

Дамешек Лев Михайлович

доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории России, исторический
факультет
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: levdameshkek@gmail.com

Dameshek Lev Mikhailovich

Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of History of Russia,
Historical Faculty
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: levdameshkek@gmail.com